

**ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ОДНОГО ИЗ ВЕЛИКОРУССКИХ
ПЕРЕВОДОВ КОНЦА XVII ВЕКА С ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКА
(К вопросу о польском влиянии на литературный язык
Московской Руси XVII века)**

Е. А. ЦЕЛУНОВА

В XVII в. среди русского дворянства распространяется знание польского языка, растет интерес к польской культуре, в результате чего появляются многочисленные переводы с польского языка [Соболевский, 1903], зачастую насыщенные полонизмами. Примечательно, что польское влияние не осталось незамеченным великорусскими книжниками конца XVII в., которые не только констатируют это влияние, но и дают ему оценку – порой противоположную. Так, если для автора трактата „Учитися ли намъ полезѣе грамматики, риторики, философии...” [Сменцовский, 1899, с. VI–XXVI] польский язык был своеобразным проводником „латинской” ереси, вследствие чего его следовало остерегаться, то для автора написанного в 1670 г. в Москве „Лексикона языковъ, полскаго и славенскаго” [Погорелов, 1899, с. 101–102] польский язык олицетворял „европеизированную разновидность славянской речи” [Виноградов, 1982, с. 40], использование которой как бы обогащало „славенский” язык.

В ряду переводов XVII в. с польского языка особое место занимает рукописная Псалтырь 1683 г. Авраамия Фирсова (далее: ПсФ)¹. Уже сам факт обращения великорусского переводчика Псалтыри к польским текстам относит этот памятник к явлениям уникальным, поскольку ни до Фирсова, ни после него, насколько известно, никто в Московской

¹ В настоящее время нам известны 4 рукописи ПсФ. Наиболее ранняя из них – оригинальная рукопись 1683 г. – хранится в ОР ГИМ (Син. 710). Три другие рукописи (ОР ГБЛ, ф. 310, № 9; ЦГИА, ф. 834, оп. 3, № 3974; ЛОИИ, ф. 238, оп. 1, № 385) являются списками XVIII в., отражающими несколько иной и более ранний, на наш взгляд, вариант перевода Псалтыри. Различие между двумя вариантами перевода заключается преимущественно в том, что в рукописи ГИМ отсутствуют определенные фрагменты Предисловия и аргументы к псалмам (т. е. краткое изложение содержания псалма, предшествующее его полному тексту), в то время как текстуальные и собственно языковые различия минимальны, что и позволяет нам в дальнейшем рассматривать языковые особенности ПсФ, не дифференцируя их по отдельным рукописям. В приводимых в статье словах и фрагментах текста ПсФ мы заменяем: букву „ук” – на „у”, „омега” – на „о”, „юс малый” на „ю”, „лси” – на „лс”; выносные буквы вносим в текст, подтитловые написания оставляем.

Руси тексты Священного Писания с польского языка не переводил². Уникальность придает ПсФ также то обстоятельство, что Авраамий Фиров в Предисловии к Псалтыри называет язык своего перевода как „простой, обыкловый, словенский“, что позволяет считать этот памятник наиболее ранним известным великорусским произведением на „простом“ языке³.

Текстологический анализ ПсФ свидетельствует о том, что Фиров постоянно пользовался каноническим церковнославянским текстом Псалтыри, либо оставляя его без всяких изменений, либо подвергая правке. Наряду с этим текстом Фиров пользовался тремя польскими текстами Псалтыри: Псалтырью из кальвинистской Брестской библии 1563 г. (далее: Б-63), Псалтырью из католической Краковской библии Якуба Вуйка 1599 г. (далее: Б-99), Псалтырью из протестантской Гданьской библии 1632 г. (далее: Б-32). Характерно, что Фиров постоянно обращался ко всем трем перечисленным польским текстам Псалтыри, отдавая предпочтение одному из них в каждом конкретном случае, а порой и компилируя их.

Следует отметить, что оба компонента текста ПсФ – церковнославянский (правленный и неправленный) и переведенный с польского языка настоящий переплетены в памятнике, что это затрудняет реконструкцию „переводческой техники“ А. Фирова. В ПсФ встречаются как стихи, оставленные без всяких изменений в церковнославянском виде, и стихи, в которых изменено (по сравнению с церковнославянским текстом) лишь одно слово или его форма, так и стихи, в которых церковнославянский текст совсем не ощущается, причем все это может встретиться в одном и том же псалме. Следует полагать, что Фиров постоянно учитывал оба источника: церковнославянский и польские тексты, в силу чего его Псалтырь в равной степени нельзя считать ни „чистым“ переводом с польского языка (зачем, в противном случае, он обращался к церковнославянскому тексту?), ни „чистой“ редакцией церковнославянского текста (зачем, в противном случае, ему нужны были польские

² Известен лишь один великорусский перевод текста Св. Писания с польского языка – стихотворный перевод Псалтыри Симеона Полоцкого 1680 г. Симеон взял за образец перевод Псалтыри Яна Кохановского 1578 г. То обстоятельство, однако, что перевод был выполнен Симеоном в стихотворной форме, позволяет относить его к произведениям с е т с к о й литературы.

³ Известны произведения XVIII в., написанные, по заявлению их авторов, „просторечием“ или „простым русским“ языком. Это: Букварь Феофана Прокоповича „Первое учение отроком“ (1720 г.) и „Последование о исповедании“ Гавриила Бужинского (1723 г.), написанные „просторечием“, а также „Езда в остров Любви“ В. Тредиаковского (1730 г.), написанная „простым русским“ языком. ПсФ является единственным известным произведением на „простом словенском“ языке.

тексты, ведь он мог бы ограничиться „исправлением“ церковнославянского текста?). Это терминологическое затруднение в отнесении ПсФ к переводам с польского языка или к редакциям церковнославянского текста является весьма значимым при определении языковых установок Фирсова. Можно полагать, что Фирсов редактировал церковнославянский текст Псалтыри, сверяясь с польскими текстами, руководствуясь при этом как критерием понятности текста, так и индивидуальными представлениями о „простоте“ книжного языка. Если на уровне текста обращение к польским источникам позволяло Фирсову сделать текст Псалтыри более понятным ее читателям⁴, то на уровне языка факт обращения Фирсова к польским текстам позволяет предполагать определенную роль польского языка в упрощении церковнославянского языка Псалтыри. Лингвистическая задача исследования ПсФ, таким образом, состоит в выяснении того, что понимал Фирсов под „простым словенским“ языком: каков удельный вес в этом языке церковнославянизмов и русизмов, а также какова роль польского языка в упрощении церковнославянского языка Псалтыри.

Лингвистическое исследование ПсФ свидетельствует о том, что в наименьшей степени языковые изменения затронули морфологический строй церковнославянской Псалтыри. Более того – многие формы именного словоизменения, которые были в XVII в. значимыми в плане противопоставления книжного и не книжного языков, представлены в ПсФ исключительно или преимущественно в церковнославянском оформлении. Напр., форма Р. ед. существительных муж. рода древнего типа склонения на *ŷ засвидетельствована в ПсФ почти исключительно с церковнославянской флексией -а, которой в русском языке соответствовала флексия -у (напр.: *гнѣва, совѣта, страха, плода*). Флексия -у отмечена в ПсФ в этой форме всего 16 раз, при этом она употреблена Фирсовым либо этимологически правильно (*дому* – 11 раз), либо под влиянием польских текстов, напр.: „...*аниможеъ дати богу откуп у своего за него*“ (48:8) – „...*ани тоже даѣ Богу окири заи*“⁵; „По-

⁴ А. Фирсов мотивирует свой перевод причиной малопонятности для его современников церковнославянского текста Псалтыри. Вслед за описанием пользы от чтения Псалтыри Фирсов отмечает: „... *но разума читаного в нем, нам въ дати невозможно. Токмо продолженіе времени в том читаніи бываете... Того ради, иже в нашей псалтыри много речени разныхъ языков, нам ихъ невозможно разумѣти... И той ради вини, нибѣ сеи книгѣ псаломнои, истолкованы псалмы, на нашъ простои словенскои языкъ... удобнѣишаго ради разума...*“ (рск. ГИМ, л. 6 об.-7). Следует отметить, что язык польских текстов Псалтыри, особенно протестантских переводов (Б-63 и Б-32), был близок к разговорному.

⁵ В большинстве случаев, как и здесь, когда речь идет о польском тексте, мы цитируем текст Псалтыри из Б-63, к которой Фирсов обращался чаще всего, и сам

слова *wётръ со в с х о д у...*" (77:26) — „*Obrócił wiatr ze w s c h o d u...*" (Б-32). Форма М. ед. той же группы существительных также засвидетельствована преимущественно в церковнославянском оформлении — с флексией *-ѣ*, которой в русском языке соответствовала флексия *-у* (напр.: *адѣ, гладѣ, гнѣвѣ, гробѣ*). Флексия *-у* встретилась в ПсФ в этой форме 16 раз и является либо генетически исконной (для слов *домъ* — 11 раз и *станъ* — 1 раз), либо употреблена Фирсовым под влиянием польских текстов. Напр.: „...*оказуице въ каковомъ порядку ихъ хочеть сохранятьи*" (арг. 100:1) — „...*okazując w jakim porządku je chce sować*"; „...*но были упорными, на берегу Чернаго моря*" (105:7) — „...*na brzegu morza Czerwonego*".

Нормативной для языка ПсФ является также церковнославянская флексия Р. и В.=Р. ед. адъективных слов муж. и сред. рода (*-аго*) и флексия Р. ед. адъективных слов жен. рода (*-ыя/-ия*), в то время как флексии, свойственные деловому языку, — *-ого/-его* (муж. и сред. род), *-ей/-ей* (жен. род) и живой речи — *-ова/-ева* (муж. и сред. род), *-ой/-ей* (жен. род) в ПсФ не засвидетельствованы. Столь же последовательно придерживается Фирсов нормы церковнославянского языка в оформлении Им. ед. местоимения 1-го лица (*азъ*), Р. и В.=Р. ед. личных и возвратного местоимений *мене, тебе, себе*; Р. ед. неличных местоимений жен. рода *моая, твоая, свояя, всая*, а также в оформлении действительных причастий настоящего времени при помощи суффиксов *-ущ/-ющ-* и *-аш/-ящ-*.

Нормативный характер употребления перечисленных выше форм не вызывает, таким образом, сомнений, а то обстоятельство, что все эти формы представлены в церковнославянском оформлении, достаточно наглядно свидетельствует о языковом полюсе, к которому стремился Фирсов. Более того, ни одна форма в системе именного словоизменения не представлена исключительно в оформлении, свойственном живой великорусской речи.

Что касается форм именного словоизменения, представленных в ПсФ церковнославянско-русскими вариантами, то их следует, видимо, расценивать как нерелевантные для Фирсова показатели языковой системы произведения. К таким формам относятся: Им., Тв. и М. мн. существительных муж. рода древнего типа склонения на **ŭ*; Им. и В.=Им. мн. прилагательных и неличных местоимений муж. рода; результаты 2-й палатализации, непоследовательно представленные в определенных формах существительных с основой на заднеязычные согласные.

источник при этом не указывается; в тех случаях, когда мы цитируем другой польский текст, источник указывается. В скобках указываются номер псалма: номер стиха, сокращение а р г. означает а р г у м е н т, г л. — г л о с с а.

Анализ системы глагольных форм в ПсФ также позволяет выделить формы, представленные исключительно в церковнославянском оформлении (форма 2-го лица повелительного наклонения на *-и*) и церковнославянско-русскими вариантами (форма инфинитива: 360 примеров с конечным *-и* и 103 примера с *-ь*, а также форма 2 лица ед. ч. настоящего времени: 104 примера на *-ши* и 102 примера на *-чи*). Однако, в отличие от форм именного словоизменения, в системе глагольных форм нормативными являются также формы, свойственные ж и в ой великорусской речи. Так, форма сложного будущего времени представлена в ПсФ исключительно образованиями с вспомогательным глаголом *быти*. Отметим, что форма сложного будущего времени была в XVII в. своеобразным показателем языковой системы произведений: в книжно-литературных произведениях употреблялась форма с вспомогательным глаголом *имамь* (реже — с вспомогательными глаголами *хошу*, *почну*), в деловой письменности особенно активно использовалась конструкция с вспомогательными глаголами *учну* и *стану*, а в памятниках письменности бытового характера, в наибольшей степени отражающих живую речь великорусов, использовались формы с вспомогательными глаголами *буду* и *стану* [Хабургаев, 1980, с. 181].

Таким образом, нормативное употребление формы сложного будущего времени *„быти + инфинитив“* не знает прецедентов не только в книжно-литературных, но и в деловых памятниках XVII в. Характерно, что Фирсов сознательно заменяет конструкцией *„быти + инфинитив“* другие языковые способы выражения будущего времени, свойственные церковнославянскому тексту Псалтыри. Так, в конструкции сложного будущего времени *„имѣти + инфинитив“* он заменяет вспомогательный глагол *имѣти* на *быти*, напр.: цсл.⁶ *„Яко судити имать гдѣ людем своимъ...“* (134:14) — ПсФ *„Донже судити будетъ гдѣ людем своимъ“*, а формы простого будущего времени (= настоящему) глаголов несовершенного вида заменяет формой *„быти + инфинитив“*, напр.: цсл. *„...узрѣтъ мнози и убоятся, и уповають на гсда“* (39:4) — ПсФ *„...узрѣтъ многія, и убоятся, и будутъ уповати на гсда“*. Чем же объяснить нормативный характер формы сложного будущего времени *„быти + инфинитив“* в ПсФ?

Обращает на себя внимание тот факт, что большинство примеров употребления Фирсовым конструкции *„быти + инфинитив“* поддерживается аналогичной польской конструкцией, напр.: ПсФ *„Вы славыати буду гсда всѣмъ срдцемъ моимъ...“* (110:1) — польск. *„W usławię cię bōdę Pana wszystkim sercem...“*; ПсФ *„Доколь будете мы с-*

⁶ Канонический церковнославянский текст Псалтыри цитируется по московскому изданию 1678 г.

лити на члвкн злое...” (61:4) — польск. „*Idokądże będziesz zmysłać złość...*” Однако в польских текстах наряду с формой сложного будущего времени „*będe* + инфинитив” широко используется конструкция „*będe* + причастие на -*ł*”, которую Фирсов так же переводит конструкцией с инфинитивом, напр.: „*będe strzegł dróg moich*” — „буду сохранять пути моя” (38:2); „*będe chwalił imię Boże*” — „буду хвалити имя бже” (68:31) и др. Характерно, что конструкция относительного будущего времени („футурум экзактум”) „буду + форма на -*ł*” была известна и великорусской письменности (преимущественно деловым текстам XI—XVI вв.), однако имела специфическое значение возможного обнаружения признака (действия, состояния) в будущем [Горшкова и Хабургаев, 1981, с. 296—298] и поэтому не могла использоваться Фирсовым в качестве формы нейтрального будущего времени. То, что Фирсов последовательно переводил польские конструкции сложного будущего времени с причастием конструкцией с инфинитивом, свидетельствует о том, что ориентируясь в этом случае на польский язык, Фирсов выбирал форму, известную живой великорусской речи. Польский язык, таким образом, не провоцировал Фирсова на полонизацию языка Псалтыри, а лишь служил своеобразной „моделью” для введения элементов живой великорусской речи.

Аналогично тому, как польские тексты „подсказали” Фирсову русскую форму сложного будущего времени, они во многом определили также систему глагольных форм прошедшего времени в ПсФ. Если в живой великорусской речи и деловом языке XVII в. единственной формой прошедшего времени была форма на -*ł*, то в книжно-литературных произведениях этого времени продолжала использоваться церковнославянская система форм прошедшего времени, включавшая аорист, перфект и имперфект. В ПсФ 71,5% форм прошедшего времени представлены образованиями на -*ł*, в то время как перфект со связкой составляет 15,1%, аорист — 13,1%, имперфект — 0,3% общего количества форм прошедшего времени. Анализ функционирования в ПсФ формы прошедшего времени на -*ł* свидетельствует о том, что в большинстве случаев Фирсов употребил эту форму тогда, когда в предложении есть подлежащее, указывающее на лицо; при этом замены форм прошедшего времени особенно показательны в тех случаях, когда остальной текст сохраняется. Напр.: цсл. „*Море видѣ и побѣже, Иорданъ возвратися вспясть*” (113:3) — ПсФ „*Море видѣло то побѣжало, Иорданъ возвратил ся назадъ*”; цсл. „*Сего ради услыша мя бгъ, внявъ гласу моления моего*” (65:19) — ПсФ „*Сего ради услышалъ мене бгъ, и внялъ гласу моления моего*”. Однако в ПсФ есть немало примеров, когда текст понимается с трудом (или вообще непонятен) именно в связи с тем, что в предложениях отсутствует подлежащее

при глаголе в форме прошедшего времени на *-l*, напр.: ПсФ „Гсди бже мои вопиль к тебѣ, и исцелил мя еси” (29:3) — ср. цсл. „Гсди бже мои, в о з з в а х ъ к тебѣ, и исцелил мя еси”; ПсФ „Рекъ беззаконнующимъ, не беззаконните...” (74:5) — ср. цсл. „Рѣ х ъ беззаконнующимъ, не беззаконните”. Отметим, что в польских текстах, которыми пользовался Фирсов, употреблялась единственно возможная форма прошедшего времени на *-l*, при этом на лицо указывало окончание этой формы, вследствие чего подлежащее в польских предложениях могло отсутствовать. В соответствующих местах польских текстов мы находим формы: *wolałem* (в ПсФ *вопиль*), *mówiłem* (в ПсФ *рекъ*). Хотя приведенные примеры являются для нашего памятника окказионализмами, они все же весьма показательны, так как свидетельствуют об ориентации Фирсова на польскую универсальную форму прошедшего времени на *-l*. В то же время в ПсФ не засвидетельствовано ни одного примера формальной полонизации форм прошедшего времени на *-l*, что позволяет считать, что польский язык и в этом случае „подсказывал” Фирсову русскую форму.

Рассмотренные нами нормативные для „простого словенского” языка ПсФ русские формы сложного будущего времени „быти + инфинитив” и прошедшего времени на *-l* позволяют, таким образом, сделать вывод, что они были „подсказаны” Фирсову польскими текстами Псалтыри.

Интересны также наблюдения над лексикой ПсФ. При определении языкового статуса лексического состава ПсФ существенную роль играют слова, которые образовывали коррелятивные церковнославянско-русские варианты. Анализ такого рода лексики позволяет констатировать, что нормативными для ПсФ являются слова с неполногласием (напр.: *брада, брегъ, власъ, вранъ, врата, глава*), слова с *-ш-* на месте праславянского **-tj-* (напр.: *отвѣщати, тысяща*), а также слова с начальным *e-*, которым в русском языке соответствовали варианты с начальным *o-* (напр.: *единъ, езеро, елень*). Написания с *-жд-* на месте праславянского **-dj-* в ПсФ преобладают (напр.: *нужда, одежда, хождение*), хотя нередки и формы с *-ж-* (напр.: *такоже, чужий*). В целом, таким образом, для Фирсова было характерно отталкивание от слов, маркированных как специфические русизмы. В то же время в ПсФ засвидетельствовано 32 глагола с русским префиксом *вы-*, противопоставленных однокоренным церковнославянским глаголам с префиксом *из-* (с этим префиксом отмечено 48 глаголов). Заслуживает внимания, однако, то обстоятельство, что многие русские глаголы с префиксом *вы-* были „подсказаны” Фирсову польскими текстами, напр.: *выслушаш* (гл.16:1) — *wysłuchaj*; *выпроважу* (67:23) — *wyprowadź*; *вышло* (88:35) — *wyszło*; *выкопали* (34:7) — *wykopali* и др. Таким образом, и в данном случае русизмы употреблены Фирсовым по „подсказке” польских текстов.

Сравнение словника ПсФ со Словарем П. Гильтебрандта [1898], в котором учтены почти все слова церковнославянского текста Псалтыри⁷, позволяет констатировать, что лишь около 50% лексики ПсФ совпадает с лексикой церковнославянского текста Псалтыри. Фиров, таким образом, почти наполовину обновил лексический состав Псалтыри. Особый интерес представляют регулярные замены определенных слов церковнославянского текста Псалтыри, в которых можно усматривать языковые установки Фирсова. Анализ таких замен позволяет считать, что основной установкой Фирсова по отношению к лексике было стремление заменять специфически книжную лексику словами нейтрального лексического фонда. Так, напр., наречие *вну* Фиров последовательно заменяет наречием *всегда*, а наречие *ѣло* — наречием *вelmi*, при этом в обоих случаях других замен в церковнославянском стихе зачастую нет. Эти и подобные лексические замены позволяют полагать, что в ПсФ получила отражение реализация уже известных великорусской письменности языковых представлений о „славянизмах” и „русизмах”, когда под оппозицией „славянского” и „русского” подразумевается не происхождение слов, а область их функционирования: к „славянской” лексике относятся специфически книжные слова, а к „русской” — слова общего (церковнославянского и русского) лексического фонда. Такое же отношение к „славянской” и „русской” лексике было характерно для Максима Грека [Ковтун, 1975, с. 113] и ряда других книжников XVI—XVIII вв.

Особый интерес представляют те регулярные лексические замены, которые были осуществлены Фировым по „подсказке” польских текстов. Так, весьма характерны для Фирсова частые замены церковнославянских слов с корнем *благ-* словами с корнем *добр-*: *благословити* → *добрословити*, *благъ* → *добръ*, *благіи* → *добрыи* и др. Слово *истуканнии* „предмет, которому поклоняются язычники” Фиров регулярно заменяет существительным *болванъ*. Последнее в значении „идол” отмечается и в церковнославянских текстах [Срезневский, т. 1, с. 197—198], а в ПсФ поддерживается польским *bałwan* — ср.: *bałwanowi litemu* — *болвану литому* (105:19); *rzezanyt bałwanom* — *рѣзаннымъ болваномъ* (105:36). Под влиянием польских текстов осуществлены также многочисленные замены существительного *милость* церковнославянского текста Псалтыри словом *милосердіе*. Хотя оба слова в значении „сострадание, сочувствие” встречаются уже в древнейших церковнославянских памятниках письменности [ДРС, вып. 9, с. 151—152, 155], в тексте Псалтыри употреблялось только слово *милость*. Однако в польском

⁷ Материалом для Словаря П. Гильтебрандта послужило Синодальное издание Псалтыри, текст которого не имеет существенных отличий от церковнославянского текста Псалтыри 1678 г. [Погорелов, 1901, с. XL1].

языке существительное *miłość* помимо значения „милосердие” имело не свойственное русскому языку значение „любовь” [ССП, т. 4, с. 262–265], в то время как существительное *miłosierdzie* употреблялось преимущественно в значении „сострадание, сочувствие” [ССП, т. 4, с. 255–257]. Семантическое отталкивание от значения польского слова *miłość*, видимо, и привело к частым заменам слова *miłość* на *miłosierdzie*, которое во всех случаях поддерживается польским *miłosierdzie*.

К числу наиболее частотных лексических замен следует отнести также замену словом *prawda* существительного *istina*. В церковнославянском тексте Псалтыри употреблялись оба слова, однако они имели семантические различия, восходящие к греческому тексту Псалтыри и заключающиеся в том, что слово *prawda* осмыслялось как божественное начало, а слово *istina* — как человеческое [Успенский, 1983, с. 112–113], вследствие чего позиции обоих слов в церковнославянском тексте Псалтыри были строго закреплены; ср.: цсл. „Истина отъ земли возсія, а правда с небесе причине” (84:12). Однако в польском языке в семантическое противопоставление со словом *prawda* выступало существительное *sprawiedliwość* (ср.: „Prawda się narodzi z ziemi, a sprawiedliwość wyjrzy z nieba”), за которым в основном и было закреплено значение божественного начала [ССП, т. 8, с. 367–368]. Существительное *prawda*, таким образом, в польских текстах Псалтыри находилось в тех позициях, где в церковнославянском — *istina*. Употребляя слово *prawda* как в соответствии с церковнославянским текстом Псалтыри, так и в соответствии с польскими текстами, Фирсов замещал в последнем случае слово *istina*. Следует полагать, что не только польские тексты были виной забвения Фирсовым семантического различия между словами *istina* и *prawda*. По свидетельству автора „Русской грамматики” 1696 г. Г. Лудольфа, существительное *istina* считалось в XVII в. „славянизмом”, а его русским вариантом было слово *prawda* [Ларин, 1937, с. 116]. Как видим, и на этот раз польские тексты „подсказали” Фирсову „русизм” — слово *prawda*.

„Подсказкой” польских текстов можно объяснить также частую замену словом *sudź* слова *sudba* (в польских текстах — лишь *sąd*), глаголом *wzstąpi* глагола *woskresнути* (в польских текстах — лишь *wstać*), многозначного существительного *языкъ* в значении „люди” словом *народъ* (польск. *naród*) и др.

Если рассмотренные выше лексические замены были осуществлены Фирсовым под непосредственным влиянием переводимых им польских текстов, то высокую частотность отвлеченных существительных с суффиксами *-ие*, *-ость*, *-ство* и названий лиц по действиям с суффиксом *-тель* можно объяснить продуктивностью этих словообразовательных моделей в польском языке. В XVI–XVII вв. названные суффиксы становятся очень продуктивными и в Московской Руси. Лексический состав

русского языка пополнился в это время значительным количеством новообразований с этими суффиксами, при этом активизацию продуктивности этих словообразовательных моделей исследователи объясняют так называемым „третьим южнославянским влиянием”, т. е. влиянием западнорусского литературного языка, которое он оказывал в XVI–XVII вв. на литературный язык Московского государства [Шанский, 1959, с. 127]. Характерно, что отвлеченные имена на *-ние*, *-ство*, *-ость* „расценивались книжниками XVII в. как особо литературные и всячески культивировались” [Кутина, 1953, с. 14]. Таким образом, высокую частотность в ПсФ перечисленных выше существительных (222 слова на *-ние*, 55 слов на *-ость*, 36 слов на *-ство*, 26 слов на *-тель*) следует объяснять актуальностью этих словообразовательных моделей в великорусской письменности XVII в., вызванной „третьим южнославянским влиянием”. Следует отметить, что среди рассматриваемых моделей наряду с собственно великорусскими новообразованиями (*истинность*, *полнота*, *непостоянство*, *побуждение*, *читание*, *оборонитель* и др.) часто встречаются и полонизмы (напр.: *выбавление*, *стусошение*, *глупство*, *подданство*, *живность*, *горячесть* и др.), которые могли расцениваться Фирсовым как к н и ж н ы е образования, призванные придать языку Псалтыри высокий стилистический статус.

Характерно, что в целом лексические и семантические полонизмы составляют лишь около 3% лексического состава ПсФ. Поскольку для большей части полонизмов характерны сходные с русскими морфемы (корневые и аффиксальные), многие из них порой даже не заметны в тексте и могли восприниматься Фирсовым и его современниками как „свои”, а не „чужие” слова (напр.: *нискость*, *высокость*, *вымысли*, *обдарити*, *стоварищитися*, *толстити* и др.). Сходством морфем контактирующих языков мы и объясняем факт использования этих слов Фирсовым. Отметим, что явно чуждые великорусскому языку слова встречаются в ПсФ редко и засвидетельствованы, как правило, по одному разу, напр.: *вельможность*, *омыльность*, *чужеложство*, *тестамент*, *шаленои*, *шкодити* и др.

Итак, анализ „простого словенского” языка ПсФ позволяет считать, что Фирсов осознавал его как к н и ж н ы й язык; это проявилось как в отказе от специфических русизмов, так и в неукоснительном соблюдении им определенных грамматических норм церковнославянского языка, которые можно квалифицировать как релевантные для перевода „признаки книжности”, придающие его „простому” языку статус „с л о в е н с к о г о”. „П р о с т о т у” же этому языку придавала характерная для Фирсова ориентация на польский язык, которая заключалась в том, что польский язык подсказывал Фирсову нормативные русские (чаще) или к н и ж н ы е (реже) слова и формы.

LANGUAGE PECULIARITIES OF ONE OF THE GREAT RUSSIAN TRANSLATIONS
FROM POLISH DATING TO THE END OF THE 17TH CENTURY

(On the question of the influence of Polish on the literary language of Moscow Russia
in the 17th century)

E. TSELUNOVA

Summary

The present paper is devoted to linguistic analysis of the Psalter of 1683 translated from the Polish language by Avramy Firsov. The translator himself defined the language of the Psalter as being "simple slavonic". The scrutiny of the Psalter language shows that Firsov considered it to be bookish, as he did not make use of specific Russisms as opposed to Church Slavonic. Normative Russisms for the Psalter are only those prompted to Firsov by the Polish texts.

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов, 1982 – Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. 3-е изд. – М., 1982.

Гильдебрандт, 1898 – Гильдебрандт П. А. Справочный и объяснительный словарь к Псалтири. – СПб., 1898.

Горшкова и Хабургаев, 1981 – Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. – М., 1981.

ДРС, вып. 1–10 – Словарь русского языка XI–XVII вв. – М., 1975–1983, вып. 1–10.

Ковтун, 1975 – Ковтун Л. С. Лексикография в Московской Руси XVI–начала XVII в. – Л., 1975.

Кутина, 1953 – Кутина Л. Л. Лексика исторических повестей о Смутном времени Московского государства (Из истории русского литературного языка XVII в.): Автореф. ... дис. канд. филол. наук. – Л., 1953.

Ларин, 1937 – Русская грамматика Лудольфа 1696 г. /Перевод, пер., вступит. ст. и примеч. Б. А. Ларина. – Л., 1937.

Погорелов, 1899 – Библиотека Московской синодальной типографии. Вып. 2: Сборники и лексиконы /Описал В. Погорелов. – М., 1899.

Погорелов, 1901 – О редакциях славянского перевода Псалтири. – В кн.: Библиотека Московской синодальной типографии. Ч. 1: Рукописи. Вып. 3: Псалтири /Описал В. Погорелов. – М., 1901, с. 1–XLIV.

Смецковский, 1899 – Смецковский М. Н. Братья Лихуды: Опыт исследования из истории церковного просвещения и церковной жизни конца XVII–начала XVIII в. – СПб., 1899.

Соболевский, 1903 – Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв.: Библиографические материалы. – СПб., 1903.

Срезневский, 1–3 – Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Труд И. И. Срезневского. – СПб., 1893–1903, т. 1–3. ССП, 1–8 – Słownik staropolski /Red. naczelny S. Urbańczyk. Т. 1–8. – Wrocław, 1953–1981.

Успенский, 1983 – Успенский Б. А. Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка: IX Международный съезд славистов: Доклады. – М., 1983.

Хабургаев, 1980 – Хабургаев Г. А. Становление русского языка /Пособие по исторической грамматике. – М., 1980.

Шанский, 1959 – Шанский Н. М. О происхождении и продуктивности суффикса -ОСТЬ в русском языке. – В кн.: Вопросы истории русского языка. М., 1959, с. 104–131.

Вильнюсский государственный университет
им. В. Капсукаса

Декабрь, 1985

Кафедра русского языка